

Русская культура в XX веке — предварительные итоги

Двадцатый век — время великих революционных потрясений. И социальных, и культурных. Русская культура прожила большую часть уходящего века под строгим идеологическим присмотром. Избавившись от него, начала спешно пересматривать принятую табель о рангах. Левым перегибам пришли на смену правые. В преддверии 2000 года мы решили задать известным деятелям культуры два вопроса:

1. Каков вклад России в культуру XX века?
2. Назовите имена нескольких деятелей культуры, оказавших влияние на развитие мировой культуры в XX веке?

Александр КУДРЯВЦЕВ, президент Российской академии архитектуры и строительных наук:

1. XX век — век авангарда. 20-е годы этого века — единственное время, когда русская архитектура была ведущей, во все остальные времена она была ведомой. В ведомости, конечно, нет ничего страшного: архитектурные ансамбли Петербурга и московский классицизм остаются шедеврами, частью мировой цивилизации. Однако с точки зрения архитектурной профессии, которая имеет тысячелетнюю историю, на 20-е годы приходится невероятный взлет человеческого гения. Архитектура в это время была сублимацией всей культуры, она впитала в себя достижения русской культуры до великого социального катаклизма, сосредоточила в себе невероятный потенциал великих ожиданий рубежа веков. Как необъясним Ренессанс в Италии — почему вдруг, в одном месте собралось столько гениев, — так же необъясним русский авангард. Но как и достижения Ренессанса открытия авангарда останутся навсегда, они сохраняют стимул к дальнейшему развитию архитектуры. Русский авангард — Мекка для архитекторов всего мира.

2. Братья Веснины, Гинзбург, Татлин, Малевич (как архитектор, я имею в виду его архитекторы), Мельников, Леонидов — звезды первой величины. Я бы назвал еще много имен, но вы меня ограничили.

Евгений ПОПОВ, писатель:

1—2. Русская литература и вообще искусство, несомненно, внесли свой вклад в мировую сокровищницу культурных реликвий. Другое дело, хорошо это или плохо, ибо ужасная фраза Варлама Шаламова о том, что любой лагерный опыт отрицателен, проясняет смысл множества «наших достижений». Литератор-публицист Ленин, например, смутил кое-кого из малых мира сего во главе с тт. Гитлером и Муссолини. «Черный квадрат» Малевича и «Броненосец Потемкин» Эйзенштейна являлись теми дрожжами, под воздействием которых забродила бражка в головах западных интеллектуалов, жаждающих поскорее покончить с тяжелым наследием мешанского XIX века и обрести безопасный кайф среди горящих зданий и жирафов.

Высокохудожественный «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына отрезвил многих, в том числе и французских «новых философов», называвших себя «детьми Архипелага». Но и это оказалось не впрок: мировая цивилизация в конце века окончательно увязла в противоречиях и становится ясно, что русская культура была индикатором, реагирующим на различные формы боли и подающим соответствующие раздражающие сигналы. Никаких так называемых позитивных ценностей ею в XX веке создано не было, но боюсь, что и в другие века тоже, если, конечно, не встать на точку зрения учителя литературы советской средней школы, рассуждающего о нравственном значении рассказа Тургенева «Муму».

Но зато русские писатели XX века, включая «советских» и «антисоветских», чрезвычайно расширили диапазон художественных знаний о человеке, в чем им помогла вся эта печальная история, приключившаяся с нашей великой страной.

Думаю, что в дальнейшем получит сильный резонанс мощное творчество Андрея Платонова, самого загадочного российского писателя нашего времени, которого Запад сейчас практически не знает из-за сложностей перевода его слов, мыслей и невозможности адекватно поместить в чужое сознание подспудный «русский дух» его сочинений. Всех остальных с большим или меньшим успехом будут изучать в университетах слависты, которые напишут немало диссертаций на указанную тему, выгодно отличающихся от этих моих дилетантских суждений простого практика-писателя.

Александр МИТТА, кинорежиссер:

1—2. Совершенно очевидно, что след в мировом кинематографе оставляют прежде всего создатели киноязыка. В этом смысле русское кино дало миру ценности абсолютно фундаментальные, они легли в основу всего киноискусства.

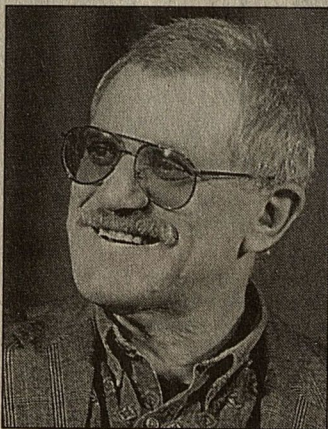
Это прежде всего Сергей Эйзенштейн — создатель монтажного киноязыка. Американская концепция монтажа была более прямолинейна и прагматична и не имела такого эмоционального воздействия на зрителя. Появился монтаж Эйзенштейна — и сразу стал способом универсальной коммуникации. Это был метод диалектического мышления, который позволил кинематографу глубоко понимать реальность.

Второе и тоже очевидное: реалистическая актерская игра основана на системе Станиславского, а ее проводником в искусстве кино был Всеволод Пудовкин. Это открытие оказало мощное воздействие на европейский и мировой кинематограф: оказалось, что из простейших физических действий и эмоциональных реакций можно монтажно складывать самые глубинные, сложные и тонкие человеческие переживания.

Наконец, чрезвычайно важна методология, которую предложил режиссер и выдающийся теоретик Лев Кулешов. Он адаптировал идеи Эйзенштейна и Пудовкина, претворив их в ясную и простую формулу и создав теорию монтажа, получившую в мире название «эффект Кулешова». Эти три мастера стояли у основ развития киноязыка.

Но был еще и четвертый — Александр Довженко. Он первым ввел в обиход эмоциональную метафору — метафорический взгляд в кино. Метафоры были и у Эйзенштейна, но они носили принципиально интеллектуальный характер. Просто как великий художник он понимал, что язык кино — язык эмоционального контакта, и его метафоры всегда насыщены активным конфликтным содержанием: пример — кадры на Потемкинской лестнице в «Броненосце «Потемкине». Довженко же предложил метафору, которая позволяет показать красоту мира, природы, человека, человеческих отношений. Его знаменитые кадры — яблоки под дождем, танцующий на пыльной дороге Иван — ошеломили мир и дали мощный толчок воображению художников кинематографа.

Российское кино тогда было в центре развития мировой культуры. Французские режиссеры немого периода считают себя учениками русского кино. «Броненосец «Потемкин» произвел огромное воздействие на зрителей Германии и повлиял на весь ход немецкого кино. Исторический факт и то, что у истоков современной актерской киношколы стояла система Станиславского, привнесенная в кино Пудовкиным, — на эту систему крупнейшие мастера мирового кино ориентируются и по сей день.

ИТАР-ТАСС

Митта — 1999 — 27 окт. — с. 10